

С. В. Хатунцев

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
ВОРОНЕЖ, РОССИЯ

Константин Леонтьев на фоне византизма и «Восточной конфедерации»

Аннотация. Статья посвящена биографии и общественно-политическим взглядам великого русского мыслителя и публициста второй половины XIX столетия К. Н. Леонтьева. В статье рассматривается эволюция взглядов Леонтьева. Акцент делается на представлениях Леонтьева о византизме как фундаменте потенциального исторического «долгожительства» России и о «Восточном союзе» — конфедерации, которая, с его точки зрения, должна включить в свой состав православные и славянские народы, а также многие народы азиатского континента. Методология данной обзорной работы базируется на принципах научности, историзма и объективности. В процессе её написания применялись методы сравнительно-исторического анализа, вживания в идейную атмосферу, в которой находился К. Н. Леонтьев, и биографический анализ с элементами психологического исследования, позволяющие понять и раскрыть некоторые принципиальные аспекты его общественно-политических взглядов. В ходе работы анализировалось литературное наследие мыслителя: его публицистические работы, беллетристика, письма. К. Н. Леонтьев является одним из «пионеров», введших понятие византизма в общественно-политический дискурс пореформенной России. Он возлагал огромные надежды на то, что византийские начала позволят ей надолго пережить Западную Европу — в предельном итоге на целую эпоху культурно-государственной жизни, т. е. на 1000–1200 лет. Эти надежды появились у мыслителя в пер-

вой половине 1870-х гг. Впоследствии, к концу своего земного пути, на столь длительный срок исторического долгожительства России К. Н. Леонтьев рассчитывать перестал. Обращение к биографии и взглядам этого мыслителя, к его представлениям о византизме, о «Восточной конфедерации», о православии и о церковном вопросе позволяет существенно точнее, острее и глубже оценить катастрофические итоги XX века для нашей страны, цивилизационную, духовно-метафизическую, историческую сущность и значимость постигших её революций, а также периода коммунистического правления и наметить потенциальные пути выхода России из того тяжёлого положения, в котором она оказалась в нынешние постсоветские годы.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, византизм, православие, «Восточный союз», славянство, история России, русская общественно-политическая мысль пореформенного периода.

Для цитирования: Хатунцев С. В. Константин Леонтьев на фоне византизма и «Восточной конфедерации». — Ортодоксия. — 2021. — № 3. — С. 196–212. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-196-212

Константин Николаевич Леонтьев был чистейшей воды консерватором и одним из самых интересных и оригинальных мыслителей во всей истории русской мысли.

Его позиции на протяжении жизни не были неизменны. В молодости он придерживался вполне либеральных взглядов, потом стал либеральным консерватором, близким почвенничеству и славянофильству, однако же со временем «поправел». С середины 70-х гг. XIX в. он — «пламенный реакционер», защитник церковного православия, самодержавия и дворянства. Леонтьева, наряду с Н. Я. Данилевским и К. П. Победоносцевым, необходимо включить в «триаду» виднейших представителей консервативной мысли пореформенной России XIX столетия. Он оказал прямое и весьма значительное влияние на становление взглядов таких фигур, как бывший член руководства (Исполкома и Распорядительной комиссии) партии «Народная воля», её публицистический рупор Л. А. Тихомиров, ставший крупнейшим идеологом русской монархической государственности, философ Василий Розанов, консервативный публицист священник Иосиф Фудель, редактор журнала «Русское обозрение» А. А. Александров.

Имелись у мыслителя друзья и покровители в правительственных кругах. В число их входили государственный контролёр Т. И. Филиппов, министр внутренних дел Д. А. Толстой, товарищ министра внутренних дел князь К. Д. Гагарин, министр народного просвещения граф И. Д. Делянов.

Знали о Леонтьеве и в императорском доме. Цесаревич Александр Александрович читал его работы по рекомендациям своего наставника профессора К. П. Победоносцева.

Родился Леонтьев 13 января 1831 г. (25 января по новому стилю) в Калужской губернии. Основную роль в его воспитании сыграла мать, Феодосия Петровна, представительница старинного дворянского рода, женщина умная, тонкая, образованная и сильная. Она растила сына в «преданиях монархической любви и настоящего русского патриотизма» (Леонтьев 1891: 86), в атмосфере по-домашнему тёплой православной религиозности.

Что касается отца мыслителя, то сейчас, благодаря О.Л. Фетисенко (Фетисенко 2012), можно утверждать, что им был не отставной гвардии прапорщик Н. Б. Леонтьев, человек малопримечательный, а Василий Дмитриевич Дурново, сын обер-гофмаршала, чиновника второго класса Табели о рангах¹.

В 1849-м Константин Николаевич начал учёбу на медицинском факультете Московского университета. Студенческая пора принесла Леонтьеву крушение детской религиозной веры. Он остановился на «каком-то неясном деизме, эстетическом и свободном» (Леонтьев 1888: 98), из стихийного монархиста стал полусознательным либералом неопределённого направления, приверженцем республиканской формы правления. Но даже в эту «бестолковую», как считал сам Леонтьев, пору своей жизни он ни разу «ни кощунственной насмешкой, ни... доводами плохой либеральной философии не оскорбил тех личных чувств и тех идеалов», которые неизменно, до гроба, исповедовала его мать (Леонтьев 1891: 85). Сохранил мыслитель и эстетическую тягу к православию, к Церкви, к её обычаям и обрядам.

Умственный перелом и связанные с ним душевные терзания заставили Леонтьева обратиться к перу и бумаге. Первое же своё произведение — комедию «Женитьба по любви» он решил показать Тургеневу. Между Тургеневым и Леонтьевым завязалась дружба, сыгравшая огромную роль в творческой судьбе Константина Николаевича. С 1854 г. повести и очерки К. Леонтьева начинают публиковать в русской периодике, в ли-

¹ Всего этих классов было, как известно, 14.

тературном приложении к «Московским ведомостям», в «Отечественных записках».

В том же году, не прослушав полного университетского курса, Константин Николаевич получил степень лекаря, поступил на военно-медицинскую службу и отправился в Крым, где бушевали события Восточной (Севастопольской) войны 1853–1856 гг.

Через год после её окончания Леонтьев уехал из Крыма и занял место домашнего врача в имении баронессы Розен, располагавшемся в Арзамасском уезде Нижегородской губернии. Здесь он лечил крестьян, занимался науками с сыновьями хозяйки имения, много читал и конечно же писал сам.

Впечатления «нижегородского» периода жизни легли в основу романа «В своём краю», опубликованного Леонтьевым в 1864 г. Современному читателю книга эта практически незнакома, но она стоит того, чтобы сказать о ней немного подробней. И отнюдь не потому, что едкий М. Е. Салтыков-Щедрин «удостоил» её своей рецензией, а потому, что роман Леонтьева стал яркой литературной манифестацией так называемого «ницшеанства» — примерно за два десятилетия до появления работ самого Фридриха Ницше, и не в Германии, а в России. Это потому, на рубеже столетий, ницшеанство у нас в стране (вслед за Европой) вошло в моду, стало интеллектуальным «мейнстримом», в том числе в революционных кругах (Горький, Луначарский, Савинков и т. д.). Тогда же русский «предвестник ницшеанства, неожиданно появившийся в 60-х годах» (выражение критика начала XX в. Б. А. Грифцова), остался практически незамеченным и на настроения общества нисколько не повлиял.

В то же время роман «В своём краю», завершённый, по всей вероятности, ещё до отъезда Леонтьева на Восток, т. е. до ноября 1863 г., нужно поставить рядом с законченным в том же году «романом» Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Подобно произведению известного теоретика-революционера, роман Леонтьева являлся литературно-художественным выражением всего спектра этических, эстетических и в конечном итоге общественно-политических воззрений своего создателя и, по замыслу Леонтьева, должен был играть ту же роль, которую сыграло произведение Н. Г. Чернышевского: роль пропагандиста и агитатора, «наставника жизни». При этом в чисто литературном отношении роман Леонтьева

написан несравненно более талантливо и гораздо более интересно, чем произведение вышеупомянутого революционного демократа.

К 60-м гг. XIX в. созрело основанное на эстетизме мировоззрение Константина Николаевича. Он пришёл к убеждению, что «всё хорошо, что прекрасно и сильно, — будь это святость, будь это разврат, будь это революция, будь это охранение — всё равно!» (Александров 1892). Леонтьев решил оставить давно уже стеснявшую его практическую медицину, перебраться в столицу и стать профессиональным литератором: «открывать глаза» на истины эстетизма читающей публике. Однако в Петербурге Леонтьев замечен не был: русскому обществу, увлечённому вихрем либеральных реформ, было не до эстетики.

Повращавшись в «передовых» кругах столичной интеллигенции и хорошо узнав её представителей, Леонтьев проникся неприязнью к их демократическим идеалам и к буржуазному прогрессу, ведущему ко всеобщему равенству, к господству так называемого «среднего человека» — ограниченного и самодовольно-скучного буржуа, к уничижению поэзии и красоты жизни, всех её цветов, кроме сюртучно-серого. С этим он как эстет мириться не мог. Поняв, что прекрасно-го гораздо больше на стороне «церкви, монархии, войска, дворянства, неравенства и т. д., чем на стороне современного уравнивания», крайней и умеренной буржуазности, Леонтьев перестал колебаться и встал на сторону «консерваторов» (Александров 1892). Для него это означало разрыв с юношеским либерализмом и либералами, в том числе с Тургеневым. И Леонтьев, скрепя сердце, расстаётся со своим литературным патроном.

В чуждом для него Петербурге, да и вообще в России, всё прочнее становящейся на путь общеевропейского развития, меняющей поэзию патриархального дворянско-крестьянского быта на прозу пореформенной буржуазности, Леонтьеву становится душно, и он, устроившись на службу в Азиатский департамент императорского МИДа, бежит на экзотически-яркий, сверкающий многоцветьем красок Восток, в балканские провинции Турции. С конца 1863 г. Константин Леонтьев — секретарь и драгоман (переводчик) русского консульства на острове Крит. Здесь, отстаивая престиж и достоинство своей Родины, да и свою собственную дворянскую честь, он вступает в конфликт с французским консулом Дерше. Тот в одной из бесед отзывается о России оскорбительно, и Леонтьев отвечает ему ударом хлыста. Русское посольство было

в восторге от этого смелого, хотя и не дипломатического поступка. Константина Николаевича отзывают в турецкую столицу.

Служа на Востоке, Леонтьев делил своё время между напряжённой дипломатической деятельностью, сердечными увлечениями и занятиями литературой. Там он писал балканские очерки, рассказы и повести, оттуда отправлял корреспонденции и статьи в русские газеты, журналы. Жил Леонтьев на широкую ногу, держал множество слуг, и жалованья (вполне приличного) ему всегда не хватало. Это заставляло Константина Николаевича делать весьма значительные долги. Благодаря этому он «познакомился» со множеством местных ростовщиков, одним из которых был Соломон Нардеа — «Шейлок» османского разлива.

В Министерстве иностранных дел Леонтьева знали и ценили, у начальства — русского посла в Порте графа Н. П. Игнатьева, начальника Азиатского департамента МИДа Стремоухова и самого министра, а впоследствии — канцлера Горчакова, он был на отличном счету, и его служебная карьера продвигалась необычайно быстро. В 1867 г. Леонтьев становится вице-консулом в придунайском городе Тульча, в 1869–1871 гг. Леонтьев — консул, сначала в Янине, затем в Салониках. Ему предлагают пост генерального консула в Праге — после образования там вакансии, однако судьба вносит в эти планы свои коррективы.

1871 год стал для Константина Николаевича годом тяжёлых испытаний, годом окончательной «переоценки всех ценностей», третьего, и последнего, в его жизни умственного перелома. Период эстетического упоения бытием проходит, на смену ему являются усталость, душевное томление и тоска; возникает мысль уйти в монастырь. Зимой в Петербурге умирает любящая и любимая мать, а летом Леонтьев заболевает сильным желудочным расстройством, которое он, будучи врачом, диагностировал как холеру. Салоникский консул готовится к смерти.

В один из наиболее ужасных моментов болезни, глядя на привезённый с Афона образ Богородицы, Леонтьев уверовал вдруг в Её существование и могущество, сжал кулаки и воскликнул: «Матерь Божия! Рано! Рано умирать мне!.. Я ещё ничего не сделал достойного моих способностей и вёл в высшей степени развратную, утончённо-грешную жизнь! Подыми меня с этого одра смерти. Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в простого и настоящего православного верующего... и... постригусь в монахи...» (Иваск 1995: 396). Через два часа он почувствовал значительное облегчение и стал совсем другим

человеком. Со старой жизнью покончено; Леонтьев пришёл к глубинному, «личному», как он его назвал, православию, и личная вера, по его же словам, «докончила в 40 лет и политическое, и художественное» его воспитание (Леонтьев 1903). Вера мыслителя была горячей и искренней, она не оставляла его до самой кончины.

Около года Константин Николаевич провёл на горе Афон среди греческих и русских монахов, желая получить пострижение в этой обители, однако мудрые духовные наставники, старцы, убедили его повременить с монашеством и уехать в Константинополь. Там он вытребовал у Игнатьева отставку от дипломатической службы, предоставленную ему с большой неохотой, и написал свою крупнейшую историософскую работу «Византизм и Славянство», в которой «дополнил» концепцию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского своей «гипотезой триединого развития», постулировавшей, что время жизни всякого государственно-культурного организма составляет не более 1000–1200 лет и каждый из них проходит в своём развитии три ступени, три стадии: стадию «первичной простоты», стадию «цветущей сложности» и стадию «вторичного смесительного упрощения». Эта «гипотеза» во многих отношениях предвосхитила «морфологию истории» германского философа-эссеиста Освальда Шпенглера. Кстати, и сам великий немец «отводил» на существование каждой мировой культуры практически тот же срок, что и К. Н. Леонтьев, — примерно тысячелетие.

Огромное значение мыслитель уделял византизму. По мнению Леонтьева, византизм по самой своей сути консервативен, а его главные несущие конструкции, его глубинное содержание — это православие и самодержавие (царизм). Один из важнейших плюсов византийского идеала он видел в том, что тот «не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом». Отмечал Леонтьев и «наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всём земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу». С его точки зрения, «византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов... он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства. Византизм даёт также весьма ясные представления... в области художе-

ственной или вообще эстетической: моды, обычаи, вкусы, одежду, зодчество, утварь — всё это легко себе вообразить несколько более или несколько менее византийским» (Леонтьев 1996: 94).

Согласно Леонтьеву, именно византийские идеи и чувства «сплотили в одно тело полудикую Русь», а византийский дух, «византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм» (Леонтьев 1996: 104, 105). Византизм организовал нас, писал он, а «система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим, ещё старым и грубым вначале, славянским материалом. Изменяя, даже в тайных помыслах наших, этому византизму, мы погубим Россию» (Леонтьев 1996: 107).

Он необходим для силы России, для её цветения, для её великого будущего. Опираясь на текст вышеупомянутого трактата, можно предположить, что в середине 1870-х гг. мыслитель надеялся, что византизм (самодержавие, оживлённое православием) даст России возможность пережить Европу на «целую государственную нормальную жизнь», т. е. на целое тысячелетие — подобно тому, как сама Византия (новый Рим) пережила «старый Италийский Рим» (Леонтьев 1996: 99). Впоследствии, видя, что страна вслед за Западом встала на путь «вторичного смешительного упрощения» и весьма уверенно идёт по нему, на столь длительный срок исторического долгожительства России К. Н. Леонтьев рассчитывать перестал, более всего надеясь на «подморозку» этого губительного процесса (Хатунцев 2004).

Он противопоставлял византизм славизму как аморфной абстракции: славянство как механическая совокупность сильно отличающихся друг от друга славянских племён есть, а вот славизма как органической культурно-исторической общности, по мнению мыслителя, нет. Она или ушла в прошлое, или же её лишь предстоит создать.

Весной 1874 г. Леонтьев покинул Восток и возвратился в Россию. Здесь он собирался печатно проповедовать свои революционно-консервативные взгляды, добиться признания и стать «литературным генералом». Его великолепные повести из восточной жизни печатались в «Русском вестнике» М. Н. Каткова, вышли и отдельным изданием, но образованное общество того времени, готовое даже Пушкина «променять на сапоги», большого внимания к ним, как и в предыдущем десятилетии к роману «В своём краю», не проявило.

Статьи Леонтьева, предостерегавшие от повального в 70-е гг. XIX вв. увлечения панславизмом и безоглядного потворства России югославянам, прежде всего — болгарам, боровшимся с Константинопольской патриархией, причём не во имя православия, а во имя этнофилетизма и в конечном итоге светского, безбожного общества европейского, западного типа, также не были оценены по достоинству. Только после того как в 1885–1887 гг., казалось бы, братская Болгария, освобождённая от власти султана русскими штыками и русской кровью, отвернулась от своих северных благодетелей и стала союзницей Австро-Венгрии и Германии, некоторые представители консервативного лагеря вспомнили леонтьевские инвективы в адрес балканских единоверцев и согласились с их автором. Следует напомнить, что, несмотря ни на какие разоблачения, панславизм, определявший поведение значительной части русского общества, был одним из важнейших факторов, вовлёкших страну в Первую мировую войну, приведшую её к катастрофе.

Таким образом, панславистом мыслитель не был. Однако он считал, что России следует добиваться создания под своим верховенством «Восточной конфедерации» — военно-политического союза из независимых, единоверных ей государств, возникших на развалинах Турции: союза, как он писал, «более или менее тесного, более или менее охотно, но неизбежного, без всяких писанных прав Европы на вмешательство в его деятельность». Такая конфедерация, по его мнению, была бы весьма полезна для уравнивания политических сил России и Запада. Единоверными странами — союзниками Российской империи должны, по мысли Леонтьева, стать монархически организованные Греция, Румыния, Болгария, Сербия; Румыния — хотя бы в границах 80-х гг. XIX столетия, Греция — расширенная от тогдашних своих пределов на север и по островам Эгейского моря, Болгария — «единая от Дуная до греческих и сербских краёв», Сербия — тоже единая, образованная из Королевства Сербского, Боснии, Герцеговины, Старой Сербии и Черногории. Большая, объединённая Сербия, считал публицист, будет необходима для поддержания в недрах «Восточного союза» баланса и равновесия (Леонтьев 1996: 561).

Данный союз, полагал Леонтьев, не ограничится четырьмя вышеупомянутыми государствами. Со временем к этой первоначальной конфедерации присоединятся многие другие народы и территории, в частности — западные славяне; венгры, «самой природой вещей вставленные

в славянскую оправу», также примкнут к нему (Леонтьев 1996: 43) после «неминуемого разрушения Австрии» (Леонтьев 1996: 378).

Однако публицисту хотелось, чтобы это произошло как можно позднее (Леонтьев 1996: 561), после того, как в Европе «индивидуально плутократический и конституционно-демократический строй... окажется никуда не годным и уже слишком неустойчивым», и «все восточные... нации, которым необходимо будет так или иначе войти в состав... Великого Союза, принуждены будут из чувства самосохранения произвести у себя дома *прогрессивно-реакционные реформы*², которые могут придать их обществам» большую устойчивость и стабильность (Леонтьев 1996: 378).

В то же время К. Леонтьев мечтал о скорейшем вступлении в «Восточную конфедерацию» Персии и «остатков Турции» — стран, проникнутых началами «азиатского мистицизма» и почти не затронутых «европейским рассудочным просвещением» (Леонтьев 1996: 561). При этом, считал публицист, под власть султана, ставшего российским «подручником», следовало бы передать Египет, выгнав из него англичан (Леонтьев 1996: 657). Даже индусы должны были, по мнению мыслителя, быть в него включены, что также предполагало высвобождение их из-под британской опеки.

«Восточный союз» казался Леонтьеву более естественным и более сильным, нежели Союз всеславянский, в который вошли бы исключительно славяне (Леонтьев 1912: 326). Он, как полагал мыслитель, не должен быть однородным и даже слишком крепко сплочённым, ему «нужно как можно менее единства государственного, политического в тесном смысле и как можно больше единства церковного. Со стороны политической желательно не слияние, но... лишь какое-нибудь *подчинённое тяготение на почтительном расстоянии*» (Леонтьев 1912: 309).

Вернувшись на родину, Леонтьев превратился в скитальца: жил то в Москве, то в имении Кудиново, которое он безуспешно пытался спасти от разорения и продажи с молотка, останавливался в Калуге, в Смоленске и в Петербурге, полгода провёл послушником в Николо-Угрешском монастыре. Наведывался он и в Оптину пустынь, где обрёл друга и катехизатора — о. Климента Зедеггольма, о котором Леонтьев впоследствии написал очень интересную книгу, а потом духовного наставника — старца Амвросия, последнего из великих старцев этой обители. Но всюду его преследовала нужда, «дворянское оскудение». Несколько месяцев в начале

² Т. е. реформы, направленные на организацию сословно-корпоративных устоев.

1880 г. Леонтьев был помощником редактора русского официального листка «Варшавский дневник» князя Голицына. С его появлением газета стала ярче и интереснее, приобрела немало подписчиков, о ней узнали в столицах. Однако нехватка средств гонит Леонтьева и из Варшавы. Константин Николаевич возвращается в Москву и с помощью своего друга и единомышленника по церковным вопросам Т. И. Филиппова, занимавшего пост министерского уровня и заведовавшего аудитом финансов всей Российской империи, устраивается цензором в Московский Цензурный Комитет.

Цензорство было для Леонтьева «стиркой и ассенизацией чужого, большей частью грязного белья» (Иваск 1995: 495), но эта служба сделала его жизнь более размеренной, стабильной и обеспеченной. В годы цензорства он много болел, страдал от хронических недугов. Вот далеко не полный их список: катар гортани, весьма застарелый, заставлявший его зимою, с ноября по апрель, носить медицинский респиратор, спинномозговая болезнь, сужение мочевого канала — недуг, суливший почти что неизбежную смерть: либо под ножом хирурга, либо в результате медленной и мучительной интоксикации организма; невралгии, сыпь, язвы на руках и ногах, катаральная дизентерия, гнойное заражение крови, воспаление лимфатических сосудов. Константин Николаевич переносил всё это стойчески, сохранял присутствие духа и продолжал, по мере сил и возможностей, свою литературную деятельность. Вокруг него сформировался кружок из молодёжи, увлечённой его идеями и речами, главным образом — питомцев так называемого Катковского лицея и студентов Московского университета.

Среди учеников будущего «оптинского отшельника» Леонтьева и в целом в группе «молодых львов», которая активно общалась с ним, прежде всего, следует назвать православного немца Иосифа Фуделя, ставшего священником, известным публицистом и общественным деятелем, филолога и редактора Анатолия Александрова, будущего профессора Я. А. Денисова и бывшего революционера Ф. П. Чуфрина, а также Г. И. Замаева, Н. А. Уманова, И. И. Кристи.

Два молодых человека из близкого окружения Леонтьева, А. Д. Оболенский и А. В. Волжин, впоследствии, хоть и ненадолго, стали обер-прокурами Святейшего Синода.

Тогда же, в начале 1880-х, окрепла основанная на взаимной интеллектуальной симпатии дружба К. Леонтьева и В. С. Соловьёва.

В феврале 1887 г. Леонтьев вышел в отставку с последней, цензурской своей службы. Благодаря стараниям сочувствовавших ему высокопоставленных правительственных чиновников он получил неплохую пенсию и поселился возле Оптиной пустыни, в так называемом консульском домике, расположенном у самой ограды этой обители. Начался один из самых продуктивных в творческом плане периодов его жизни, «болдинская осень» Леонтьева как публициста. Он пишет ряд статей под общим названием «Записки отшельника», критические этюды о романах Л. Н. Толстого, с которым Леонтьев встречался и спорил в Москве и в Оптиной. Леонтьев превозносил Толстого как писателя-художника и психолога, но за его «искания» хотел ему «сотни две горячих всыпать туда...» или обеспечить ссылку куда-нибудь в Сибирь, в Томск, чего, впрочем, «зеркало русской революции» и само желало (Иваск 1995: 557) — для усиления своих слепяще-отражательных свойств. В это же время мыслитель решительно рвёт с В. С. Соловьёвым, увидев в нём европеиста и «западника», врага идеи культурно-исторической самобытности России, ярого ненавистника Н. Я. Данилевского и в конечном итоге его собственных идеалов, его историософской системы.

Следует отметить и несколько работ Леонтьева о современном ему национализме: «Национальная политика как орудие всемирной революции», «Плоды национальных движений на православном Востоке», «Письма к В. С. Соловьёву о национализме культурном и политическом». В них варьировалась мысль, что со времён Великой Французской революции национально-освободительные и национально-объединительные движения приводят не к развитию национальных культур и расцвету их самобытности, связанному с усилением оригинальных их черт, как это было, по мнению Леонтьева, в XV–XVII вв., а к буржуазно-космополитическим результатам: всеобщему усреднению и нивелировке, в частности — уничтожению сословий и состояний, вымиранию или капиталистическому перерождению старинной аристократии, подрыву монархической государственности, религиозных устоев и, вследствие всего этого, к обеднению культурной жизни народов (Хатунцев 2001).

Что же касается Церкви, то она, по мнению мыслителя, должна была быть более независимой, а Иерархия — «смелее, властнее, сосредоточеннее». Церкви следует смягчать государственность, а не наоборот. Леонтьев являлся сторонником восстановления патриаршества. В целом же для усиления православия он считал необходимым союз с Восточными Церквями

и централизацию церковного управления: «соборно-патриаршее» сосредоточение на Босфоре. Оно, согласно Леонтьеву, должно было послужить толчком к дальнейшему творчеству во всех областях культурного делания (Гоголев 2007: 116).

Призвание России публицист видел в утверждении святоотеческого христианства и отпоре его подменам, прежде всего — сентиментальному, полулиберальному, называемому им «розовым» христианству.

Таким образом, с точки зрения Леонтьева нужны сильное духовенство, независимая и властная иерархия, а также неприятие филетизма, т. е. организации Церкви исключительно по национальному, племенному признаку (Фетисенко 2012: 85–86).

В апреле 1891 г. у него завязалась переписка с тогда ещё малоизвестным философом Василием Розановым, а в августе этого же года Константин Николаевич был тайно пострижен под именем Климента и, по настоянию старца Амвросия, переселился в Сергиев Посад. Там, в гостинице, он и умер 12 ноября от воспаления лёгких. Интересный факт: отправляя своё духовное чадо к стенам Троице-Сергиевой лавры, Амвросий сказал ему напоследок: «Скоро увидимся!» Его земной путь закончился чуть ранее кончины К. Н. Леонтьева...

Могила мыслителя находится в Гефсиманском скиту обители у храма Черниговской Божией Матери рядом с последним приютом его заочного собеседника В. В. Розанова.

Сведения об авторе

Хатунцев Станислав Витальевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета, 394006, Воронеж, Университетская пл., 1; e-mail: khatuntzev.stanislaw@yandex.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Александров А. А. К. Н. Леонтьев // Русский вестник. — 1892. — № 4. — С. 250–284.

Гоголев Р. А. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К. Н. Леонтьева: опыт реконструкции. — М. : АИРО-XXI, 2007. — 160 с.

Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: pro et contra. — СПб. : Русский Христианский гуманитарный ин-т, 1995. — Кн. 2. — 704 с.

Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. — М. : Республика, 1996. — 799 с.

Леонтьев К. Н. Письмо к В. В. Розанову от 13–14.8.1891 г. // Русский вестник. — 1903. — № 6. — С. 415–427.

Леонтьев К. Н. Рассказ моей матери об императрице Марии Фёдоровне // Русский вестник. — 1891. — № 4. — С. 77–104.

Леонтьев К. Н. Собрание сочинений. — М. : Издание В. М. Саблина, 1912. — Т. 5. — 468 с.

Леонтьев К. Н. Тургенев в Москве // Русский вестник. — 1888. — № 2. — С. 97–129.

Фетисенко О. Л. Гептастилисты. Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. — СПб. : Пушкинский дом, 2012. — 784 с.

Хатунцев С. В. К. Н. Леонтьев о национализме и национальной политике // Страницы истории и историографии отечества. — Воронеж, 2001. — Вып. 3. — С. 128–143.

Хатунцев С. В. Отечественная история в системе общественно-политических взглядов К. Н. Леонтьева // Вопросы истории. — 2004. — № 1. — С. 155–159.

Konstantin Leontiev against the Background of Byzantism and «the Eastern Confederation»

S. V. Khatuntsev

VORONEZH STATE UNIVERSITY,
VORONEZH, RUSSIA

Abstract: The article is devoted to the biography and socio-political views of K. N. Leontiev, the great Russian notionalist and publicist of the second half of the nineteenth century. The article discusses the evolution of Leontiev's views. The emphasis is put on Leontiev's ideas about byzantism as the foundation of Russia's potential historical "longevity" and about "the Eastern Union" — a confederation, which, from his point of view, should include Orthodox and Slavic peoples, as well as many peoples of the Asian continent. The methodology of this review paper is based on the principles of science, historicism and objectivity. The research was based on the methods of comparative historical analysis, immersion into the ideological atmosphere of the time in which K. N. Leontiev had lived, and biographical analysis with elements of psychological research, which allowed to understand and reveal some fundamental aspects of his socio-political views. The article reviews and analyzes the literary heritage of the notionalist, including his journalism, fiction and letters. K. N. Leontiev was one of "the pioneers" who had introduced the concept of byzantism into the socio-political discourse of post-reform Russia. He nurtured great hopes that the Byzantine principles would allow Russia to outlast Western Europe by a long time — ultimately for a whole cultural and state epoch, i.e. for 1000–1200 years. The notionalist had generated these hopes in the first half of the 1870s. However, K. N. Leontiev stopped counting on such a long period of Russia's historical longevity towards the end of his

earthly journey. An appeal to the biography and views of this nationalist, to his ideas about byzantinism, “the Eastern Confederation”, Orthodoxy and the problem of the Church allows us to significantly more accurately, sharper and deeper assess the catastrophic results of the 20th century for our country, the civilizational, spiritual, metaphysical, historical essence and the significance of revolutions that befell it, as well as the period of the communist rule, and to outline potential ways for Russia to get out of the difficult situation in which it has found itself in the current post-Soviet years.

Keywords: K. N. Leontiev, Byzantinism, Orthodoxy, “Eastern Confederation”, Slavs, History of Russia, Russian Socio-Political Thought after the Great Reforms.

For citation: Khatuntsev, S. V. (2021). Konstantin Leontiev against the Background of Byzantinism and “the Eastern Confederation”. *Orthodoxia*, (3), 196–212. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-196-212

About the author:

Khatuntsev Stanislav Vitalyevich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History of Voronezh State University, 1, Universitetskaya Square, Voronezh, 394006; e-mail: khatuntzev.stanislav@yandex.ru

REFERENCES

Aleksandrov, A. A. (1892). K. N. Leontiev. *Russky vestnik*, (4), 250–284. [In Russian].

Fetisenko, O. L. (2012). *Geptastilisty. Konstantin Leontiev, ego sobesedniki i ucheniki* [Heptastilists. Konstantin Leontiev, His Interlocutors and Students]. St. Petersburg: Pushkinsky dom. [In Russian].

Gogolev, R. A. (2007). “Angel’skii doktor” russkoi istorii. *Filosofiia istorii K. N. Leontieva: opyt rekonstruktsii* [“Angel Doctor” of Russian History. Philosophy of History of K. N. Leontiev: Experience of Reconstruction]. Moscow: AIRO-XXI. [In Russian].

Ivask, Iu. P. (1995). Konstantin Leontiev (1831–1891). *Zhizn’ i tvorchestvo* [Konstantin Leontiev (1831–1891). Life and Creativity]. In *K. N. Leontiev: pro et contra. Vol. 2*. St. Petersburg: Russky Khristiansky gumanitarnyi institut. [In Russian].

Khatuntsev, S. V. (2001). K. N. Leontiev o natsionalizme i natsional'noi politike [Leontiev K. N. on Nationalism and National Politics]. In *Stranitsy istorii i istoriografii otechestva* [Pages of History and Historiography of the Fatherland] (Vol. 3, pp. 128–143). Voronezh. [In Russian].

Khatuntsev, S. V. (2004). Otechestvennaia istoriia v sisteme obshchestvenno-politicheskikh vzgliadov K. N. Leontiev [National History in the System of Socio-Political Views of Leontiev K. N.]. *Voprosy istorii*, (1), 155–159. [In Russian].

Leontiev, K. N. (1888). Turgenev v Moskve [Turgenev in Moscow]. *Russky vestnik*, (2), 97–129. [In Russian].

Leontiev, K. N. (1891). Rasskaz moei materi ob imperatritse Marii Fedorovne [My Mother's Story about Empress Maria Feodorovna]. *Russky vestnik*, (4), 77–104. [In Russian].

Leontiev, K. N. (1903). Pis'mo k V. V. Rozanovu ot 13–14.8.1891 g. [Letter to Rozanov V. V. Dated 1891.8.13–14]. *Russky vestnik*, (6), 415–427. [In Russian].

Leontiev, K. N. (1912). *Sobranie sochineny* [The Collected Works] (Vol. 5). Moscow: Izdanie V. M. Sablina. [In Russian].

Leontiev, K. N. (1996). *Vostok, Rossiia i Slavianstvo* [East, Russia and Slavdom]. Moscow: Respublika. [In Russian].